

Большевики приходят к власти

Октябрьская революция 1917 года в Беларуси и создание нового политического режима

Вадим ГИГИН, кандидат
исторических наук

Революция, произошедшая в России в 1917 году, стала одним из ключевых событий XX века, без преувеличения, оказала судьбоносное влияние на все человечество. Причем влияние это было как положительного, так и отрицательного характера. Отмечаемый ныне 100-летний юбилей тех революционных событий лишь незначительно подхлестнул интерес к истории Русской революции – он и так остается на высоком уровне. Беларусь, являвшаяся частью Российской империи, естественным образом оказалась вовлеченной в орбиту революционных потрясений и преобразований. Поначалу новая власть продержалась на большей части белорусских земель недолго: с 25 октября (7 ноября) 1917 года до немецкого наступления 18 февраля 1918 года. Однако этот период чрезвычайно насыщен событиями: захват большевиками власти, выборы в Учредительное собрание, созыв и разгон Всебелорусского съезда, восстание 1-го польского корпуса Ю. Довбор-Мусницкого. Какими же были обстоятельства прихода большевиков к власти в Беларуси, самые первые послереволюционные дни и недели?

Свершилось...

Получив сведения о событиях 25 октября 1917 года в Петрограде, Минский Совет, в котором преобладали большевики, издал приказ № 1. Этот

документ содержал предложение всем революционным партиям начать организацию революционной власти на местах. 27 октября 1917 года в Минске был создан Военно-революционный комитет (ВРК), куда вошли исключительно члены РСДРП(б). При этом следует учитывать, что приглашение революционно-демократических партий к организации власти на местах не означало, что представители этих групп войдут в исполнительные структуры нового режима или займут ответственные посты в будущих правительственных органах. Потенциальные союзники призывались лишь к участию в советской работе.

Как отмечал несколько позже В.Г. Кнорин, революция должна быть «совершена при соблюдении всех демократических принципов», а большевики Западного фронта «не думали об узурпации власти» [1, с. 30]. Он же писал, что ВРК отказался от ареста фронтового исполкома, так как «тенденции к объединению в Советах

ОБ АВТОРЕ

ГИГИН Вадим Францевич.

Родился в 1977 году. Окончил исторический факультет БГУ (1999), аспирантуру Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета (2002).

Трудовой путь начал учителем истории в школе.

С 2002 года работал в Белорусском республиканском союзе молодежи: секретарем, первым секретарем Минского городского комитета, директором Республиканского молодежного информационно-идеологического центра при ЦК ОО «БРСМ», вторым секретарем ЦК ОО «БРСМ».

В 2003–2004 годах – ведущий специалист пресс-центра Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

С 2004 по 2006 год – старший преподаватель Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь.

В 2007–2016 годах – главный редактор журнала «Беларуская думка».

С 2016 года – декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Кандидат исторических наук (2003), доцент (2011).

Сфера научных интересов: политическая история Беларуси и России, межнациональные отношения, современные политические системы.

ПРИКАЗЪ № 1.

Хъ населенію гор. Жмиска и окрестностей

Власть въ Петроградѣ перешла въ руки Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Весь Петроградскій гарнизонъ, Балтійскій флотъ и другія воинскія части признали новую власть. Поступаютъ отовсюду донесенія, что армія и воинскія части на всѣхъ фронтахъ признаютъ новую власть, сохраняя полное спокойствіе.

Въ Минскѣ власть перешла въ руки Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который обратился ко всѣмъ революціоннымъ организаціямъ и политическимъ партіямъ съ предложеніемъ немедленно приступить къ организаціи временной революціонной власти на мѣстахъ.

Объявляя о происшедшемъ, Минскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ гражданъ, что имъ приняты самыя рѣшительныя мѣры къ охранѣ революціоннаго порядка и установленію полнаго дисциплины повсюду. Установлена революціонная цензура надъ всѣми выходящими въ Минскѣ и получаемыми здѣсь газетами для предупрежденія распространенія волнующихъ населеніе слуховъ.

Исполнительный Комитетъ Минскаго Совѣта
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Г. Минскъ.
25 октября 1917 г.

всех социалистов были в большевистской среде еще слишком сильны» [1, с. 32]. Действительно, стремление большевиков в тот период к сотрудничеству с другими революционно-демократическими силами исходило из трех предпосылок: 1) необходимости легитимизации захвата власти, 2) расширении социальной базы, 3) старых революционных традиций, которые были сильны в самой партии и предопределяли отношение к другим социалистам, как к «братьям», «товарищам», в крайнем случае «попутчикам», но не как к врагам.

Большинство политических партий в принципе отказывалось признать Советы исключительным источником формирования власти и, соответственно, признать законность решений II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Правые эсеры и меньшевики, к которым присоединились кадеты, создали Всероссийский комитет спасения Родины и революции (Комспас). Аналогичные структуры, подчиненные центру, стали создаваться и на местах. 27 октября

в Минске начал свою работу Комитет спасения революции Западного фронта. Его возглавил эсер Т.М. Колотухин [2, л. 142]. Комитет имел самый широкий состав: в него входили представители большинства политических партий края, демократических организации, в том числе некоторых Советов и их исполкомов. Подобные комитеты стали возникать в городах и уездах Беларуси, в воинских частях.

Комиссар Западного фронта В.А. Жданов, главный организатор сопротивления большевикам в Минске, сумел обеспечить Комитету спасения поддержку со стороны кавалерийских частей (до двух дивизий) и элитных георгиевских и ударных батальонов. Комспас предъявил Минскому Совету ультиматум: подчиниться его власти. Большевики направили на переговоры с Комитетом председателя Минского Совета К.И. Ландера. Среди членов Комспаса существовали разные мнения по вопросу о возможности соглашения с большевиками. В.А. Жданов высказывался резко против такого шага, меньшевик А.Б. Штерн считал возможным соглашение с большевистским Советом. Большинство Комитета взяло сторону Штерна [3, с. 40]. 28 октября соглашение было достигнуто. Комитет спасения революции обязывался не допускать направления войск с Западного фронта на столицы (Петроград и Москву), а Минский Совет признавал, что Комитет спасения революции концентрирует в своих руках «временно всю власть в районе Западного фронта до завершения конструирования власти в центре и на местах». В состав Комитета вошли представители Совета – большевики И.Я. Алибегов и Я.Ф. Перно. Казалось бы, это был компромисс. Однако дело обстояло иначе. Большевики в тот момент добились главного – нейтрализовали войска Западного фронта, которые были исключены из борьбы за власть в столицах. То есть первый раунд большой политической игры в Минске остался все же за большевиками.

Вхождение большевиков Западного фронта в состав Комспаса нельзя рассматривать как шаг на пути создания коа-

лиции революционно-демократических партий в регионе. Это был лишь тактический ход, вызванный расстановкой сил в Минске, и продлился он ровно до тех пор, пока эта политическая конъюнктура не изменилась. Большевики видели в договоре с Комитетом спасения временную передышку перед решающим боем с «соглашателями». По словам К.И. Ландера, «эта комедия согласия тянулась несколько дней» [3, с. 40–41]. Все это время не затихала напряженная работа большевиков на фронте, в солдатских массах, которым они обещали скорейший мир и возвращение домой. Сторонники советской власти сумели добиться поддержки со стороны армейских частей. Ночью 1 ноября 1917 года в Минск прибыл бронепоезд 2-й армии Западного фронта, и под его пушками и пулеметами власть перешла к Военно-революционному комитету. Комитет спасения революции Западного фронта был распущен, а его активные участники высланы из Беларуси [4, с. 71].

Поражение минского Комспаса, несмотря на ту энергию, с которой он поначалу приступил к своей работе, объясняется двумя основными факторами. Во-первых, это стало закономерным итогом отсутствия единства в рядах политических противников большевиков, что проявилось во время обсуждения предъявленного ультиматума. Многие политики искренне полагали, что нужно стремиться мирным путем разрешить противоречия, возникшие в революционно-демократическом лагере, а вооруженное восстание большевиков является лишь вылазкой, проявлением неизбежной радикализации общества, которая пройдет по мере развития Русской революции. Во-вторых, центральный Комитет спасения не сумел организовать должную связь и координацию действий на местах, что и предопределило его проигрыш в противостоянии с гораздо более сплоченной партией большевиков.

Борьба продолжается

В 1917 году неоккупированная территория Беларуси имела исключитель-

но важное значение в борьбе за власть в России. Здесь, в Могилеве, находилась Ставка Верховного Главнокомандования и Общеармейский комитет. На территории края располагались многочисленные воинские части Западного фронта – внушительной силы, объединявшей около 1,5 млн солдат и офицеров. Через территорию Беларуси протянулись стратегические железнодорожные линии. Особое значение края в решении вопроса о власти в России было обозначено и во время корниловского выступления. Пожалуй, после Петрограда и Москвы это был третий по значимости центр в государстве, от позиции которого зависел дальнейший ход событий. (Об обстоятельствах борьбы за Ставку, захвата большевиками власти в Могилеве подробно рассказывалось в статье «Неудобный «инцидент»: убийство генерала Духонина в свете нового свидетельства участника событий» [5, с. 71].)

Исход политической борьбы первых послеоктябрьских дней в значительной степени зависел от того, под чьим контролем находились железные дороги – основной способ коммуникации в огромной стране. Поэтому не удивительно, что Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза (Викжель) в тот период играл заметную роль в политической жизни страны. В условиях паралича центральной власти в России именно этот профессиональный союз, возникший в июле – августе 1917 года, фактически контролировал всю разветвленную железнодорожную сеть.

Несмотря на остроту момента, позиция Викжеля в те дни оказалась скорее благоприятной для большевиков. Железнодорожники выступили против организации всеобщей забастовки в знак протеста против совершенного переворота, а затем 3 декабря (20 ноября) 1917 года полностью признали советскую власть. Во многом это было обусловлено партийным составом самого Викжеля, в который входило: 14 эсеров (9 из них примкнули к левому крылу партии), 6 меньшевиков, 3 большевика, 6 представителей других партий и 11 беспартийных членов.

В Беларуси железнодорожники полностью солидаризировались с позицией своего центрального профсоюзного органа. 25 ноября 1917 года состоялось экстренное заседание Гомельского районного комитета профессионального союза Либаво-Роменской железной дороги. Гомель являлся одним из крупнейших железнодорожных узлов страны, где было сосредоточено большое количество мастерских. Главным вопросом повестки собрания было обсуждение телеграммы Викжеля с изложением его политической платформы по признанию советской власти. Железнодорожники поддержали платформу Викжеля и выступили против забастовки чиновников аппарата Министерства путей сообщения. Более того, гомельчане обратились к Викжелю с просьбой «предоставить право органам союза на местах (Главному и районному комитетам) отстранять от должностей администраторов вредных народному делу или тормозящих таковое с целью разрушения железнодорожного хозяйства и транспорта» [6, л. 255]. И все же подобную позицию нельзя назвать пробольшевистской, а скорее примирительной. Викжель и его представители на местах пытались всеми силами сохранить единство социалистов, видя в Октябрьском перевороте крайне негативное, но вполне исправимое и обратимое происшествие. На том же собрании гомельские железнодорожники, рассматривая вопрос о недостатке хлеба и денег, признали, что в государстве совершилась катастрофа, и предъявили определенные требования новой власти: «В настоящее время, когда в стране идет борьба с контрреволюцией, лица, стоящие во главе центральных органов, должны, прежде всего, быть на страже интересов революционной демократии, частью которой в Российской республике являются и железнодорожники» [5, л. 255 об – 256].

Несмотря на свою непоследовательную и примирительную позицию, Викжель представлял серьезную опасность для большевиков, поскольку он по-прежнему сохранял контроль над желез-

нодорожной сетью страны. Поэтому при поддержке левых эсеров на Чрезвычайном всероссийском железнодорожном съезде, который проходил с 5(18) января по 30 января (12 февраля) 1918 года в Петрограде, Викжель был распущен, а на его месте сформирован Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжедор), полностью контролируемый большевиками.

Вокруг создания коалиции

Жесткое политическое противостояние первых послереволюционных дней, зачастую принимавшее форму вооруженных конфликтов, осложнило политическую обстановку в стране. Обратное пропорционально уменьшению возможности сформировать блок социалистических партий накануне созыва Учредительного собрания росла решимость большевиков взять всю ответственность за ситуацию в стране исключительно на свою партию. Л.Д. Троцкий считал, что большевики будут вынуждены «признать себя банкротами», если поделятся властью с кем-либо вопреки решениям II съезда Советов [7, с. 125–126]. В целом, позицию Троцкого разделял В.И. Ленин, выступивший против предложения группы Л.Б. Каменева пойти на компромисс с революционно-демократическими партиями по вопросу о власти. Последний, отражая позицию части руководства большевиков, искренне поддерживал идею широкой коалиции социалистических партий, предполагал возможность существования советской многопартийной системы в рамках диктатуры пролетариата. Председатель ВЦИК Л.Б. Каменев заявил на первом заседании этого органа: «Осуществляя принцип коалиции на деле, комиссары не могут и не закрывают своих дверей перед теми, кто на основе принципа, намеченного съездом, захочет работать совместно с ними» [8, с. 3].

В чем причина такого расхождения в позициях внутри руководства самой партии большевиков? Скорее всего, ее не следует искать в каких-то тактических

уловках или внутривнутрипартийной борьбе. Очевидно, Л.Б. Каменев как раз и представлял взгляды тех старых большевиков, кто, как уже отмечалось, оставался верен прежним революционным традициям и видел в меньшевиках и даже эсерах не противников, а товарищей по борьбе, с кем можно и нужно было строить новое общество, и, следовательно, искать компромиссы.

Однако такая позиция, в корне расхожившаяся с линией В.И. Ленина, была обречена на поражение. Кстати, руководство Северо-Западной организации РСДРП(б) целиком и полностью поддерживало жесткий курс Ленина–Троцкого. Признание Советов в качестве основного источника новой власти было ключевым требованием большевиков к другим социалистическим партиям, выдвигаемым во время переговоров, проходивших при посредничестве Викжеля. 1 и 2 ноября 1917 года ВЦИК II съезда Советов выдвинул условия возможного соглашения большевиков с другими партиями. Во-первых, следовало одобрить программу советского правительства, выраженную в декретах о земле, мире и рабочем контроле. Во-вторых, присоединиться к борьбе с контрреволюцией, которая, по мнению большевиков, олицетворялась Керенским, Корниловым и Калединым. В-третьих, признать II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов «единственным источником власти». В-четвертых, новое правительство могло быть ответственно только перед ВЦИК. В-пятых, считалось желательным пополнение ВЦИК представителями ряда общественных, профсоюзных организаций при условии переизбрания тех из них, которые не переизбирались в последние три месяца [9, с. 33–35]. Отказ меньшевиков и правых эсеров от этих условий означал, по выражению Н.И. Бухарина, их выход из «единой демократической семьи» [10, с. 162].

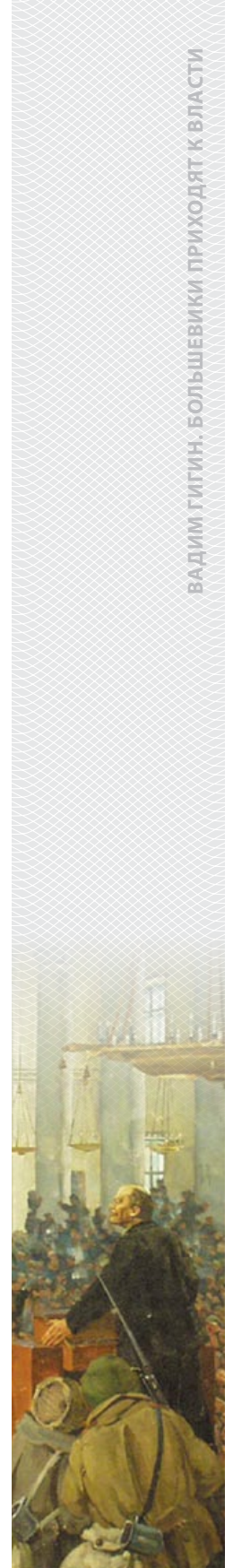
Вышеуказанные условия, хотя и с некоторыми оговорками, были приняты только вновь создаваемой партией левых эсеров. В партии социалистов-революционеров произошел раскол. Отказ ее левого те-

чения покинуть II съезд Советов послужил причиной для постановления ЦК об исключении левых из партии. В ноябре 1917 года между большевиками и левыми эсерами проходили переговоры о вхождении представителей левых эсеров в состав совнаркома. Итогом явилось включение 7 левых эсеров в советское правительство. Одновременно по всей территории России, где была установлена советская власть, начался процесс вхождения левых эсеров в местные исполнительные органы, военно-революционные комитеты, причем иногда левые эсеры составляли в них большинство.

Руководители партии левых эсеров, объясняя причины своего сближения с правящей партией, говорили о необходимости исправлять «линию большевиков». Об этом писал 30 октября 1917 года один из идеологов левоэсеровского движения Иванов-Разумник (Р.В. Иванов): «Газеты разгоняют – бороться за открытие газет. Политические враги брошены в тюрьмы – требовать следствия и суда. Надо выпрямлять – и не вправо, а вверх! – ту линию революционного действия, которую „большевизм“ может искривить в своем упоении победой» [11, с. 80]. Линию на коалицию с большевиками поддержал I съезд партии левых социалистов-революционеров (19–28 ноября 1917 года), подчеркнув при этом особую роль своей партии как посредника между большевиками и прочими социалистами.

Местное руководство правых эсеров действовало в соответствии с решениями центральных органов своей партии, а они считали проявлением слабости идти на соглашение с большевиками. Минский комитет партии эсеров через свой печатный орган «Социалист-революционер» и активистов распространил обращение военного бюро ЦК, в котором эсеры призывали население поддержать властные институты Временного правительства, а также содействовать армейским организациям и комитетам спасения революции [12, с. 1].

Меньшевики заняли относительно умеренную позицию, с одной стороны,

осуждая насильственные действия большевиков, а с другой, опасаясь, что резкое выступление против большевиков приведет к окончательному расколу революционной демократии и победе контрреволюционных, монархических сил. Как и до переворота в Петрограде, они предлагали передать власть на местах, в частности, в Минске, «революционным комитетам», в которых должны быть представлены все социалистические партии. Очевидно, что это был вынужденный компромисс, продиктованный желанием сохранить хотя бы номинальное единство революционно-демократического лагеря. Декларацию именно в таком духе огласила меньшевистская фракция в Минской городской думе [13, с. 129].

4 ноября 1917 года общее собрание Гомельской организации меньшевиков постановило не оказывать сопротивления большевикам: «Вооруженная победа большевиков оставляет единственный путь: большевистская власть, подчинение которой, под условием созыва в срок Учредительного собрания, является единственным средством избежать гражданской войны» [14, л. 4 об].

Еврейские социал-демократы (бундовцы), хотя и были идеологически и организационно близки к меньшевикам, восприняли события в Петрограде куда более непримиримо. Их фракция в городской думе совместно с минской организацией партии не только отказалась от создания коалиции с большевиками на условиях насильственного отстранения Временного правительства от власти, но и постановила выйти из состава Минского Совета [15, л. 48]. Одновременно бундовцы с недоверием отнеслись и к действиям Комитета спасения. Центральное бюро профсоюзов Минска, в значительной степени находившееся под контролем Бунда, направило своего представителя в Комспас, но решило, что «в случае, если войска будут посланы для расправы с большевиками, представители ЦБ должны сразу выступить из Комитета», и призвало как большевиков, так и Комспас «немедленно прекратить раздоры, которые несомненно приве-

дут к братоубийственной войне также в Минске» [16, с. 476, 478].

Белорусские национально-демократические партии сначала высказались против перехода власти к Советам. Великая белорусская рада, созданная незадолго до Петроградского переворота, приняла специальное обращение – «Грамоту да беларускага народу», в котором призвала народ к спокойствию и ни разу не упомянула большевиков и события в Петрограде [17, с. 93–94]. Белорусская социалистическая громада, Белорусская партия народных социалистов, Центральная белорусская войсковая рада, Белорусский исполнительный комитет Западного фронта, подписавшие «Грамоту», призвали белорусский народ сплотиться вокруг Белорусской рады. Представители Белорусской рады Западного фронта вошли во фронтовой Комспас.

Новые органы новой власти

Пока другие политические партии определялись со своим отношением к решительным действиям большевиков, те продолжали укреплять свои позиции. К концу ноября в Беларуси завершился процесс формирования новых органов советской власти. 26 ноября 1917 года исполнительные комитеты III съезда Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний и Областного съезда Советов, которые состоялись соответственно 20 и 19–21 ноября, и Фронтовой комитет Западного фронта, избранный на II Фронтовом съезде Советов, проходившем 20–24 ноября, объединились в единый исполнительный орган – исполнительный комитет Западной области и фронта (Облискомзап) [1, с. 57]. На прошедших съездах Советов подчеркивалась необходимость создания коалиции большевиков и левых эсеров. В резолюции III съезда Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний по выборам в Учредительное собрание отмечалось, что левые эсеры и большевики «одни только и могут быть признаны стойкими борцами за народные права» [18, с. 3]. II съезд солдатских депутатов

Западного фронта 22 ноября одобрил резолюцию в поддержку действий большевиков и одновременно осудил прочие партии, изменившие, по мнению делегатов съезда, делу революции: «Бегство всех партий, за исключением левых эсеров, со второго съезда Советов, когда восставший народ громил твердыни коалиционной власти, явилось неслыханным преступлением перед трудовыми массами народа и перед русской революцией» [19, с. 3].

Первый состав Облискомзапа был построен по следующему принципу: 100 человек от Фронтowego комитета, 35 – от исполнительного комитета Областного съезда, 35 – от исполнительного комитета Крестьянского съезда, 11 – от профсоюзов, 4 – от железнодорожного союза, 2 – от почтово-телеграфного союза [20, л. 73]. Новый орган власти был укомплектован не полностью. Почтово-телеграфный союз, союзы рабочих и служащих Александровской и Либаво-Роменской железных дорог, а также большинство правлений профсоюзов, входящих в Центральное бюро профсоюзов, отказались послать своих представителей в Облискомзап. Также не полностью была укомплектована и квота исполкома съезда Советов Западной области, так как съезд оставил 18 мест вакантными для вновь создаваемых Советов. Таким образом, первоначально в состав Облискомзапа вошли 113 большевиков, 24 левых эсера, 6 правых эсеров, 4 меньшевика, 3 меньшевика-интернационалиста, 2 поалей-циониста (представители Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион»). Показательно, что абсолютный перевес был у большевистской фракции фронтowego комитета Западного фронта, насчитывавшей 80 человек, и она могла проводить любые решения своими голосами. Формирование органа власти, которому должна была принадлежать вся полнота полномочий на Западном фронте, в неоккупированных уездах Беларуси, отражает специфику большевистской революции в крае. Уже на стадии создания Облискомзапа более половины

мест отдавалось представителям фронта. В итоге, «большевики-фронтвики» полностью контролировали этот исполнительный комитет. И это не удивительно, поскольку именно солдатские массы Западного фронта, уставшие от войны, были главной движущей силой большевистской революции в Беларуси. Они являлись основой социальной базы новой правящей партии.

Объясняя специфику формирования органов советской власти в начальный революционный период, академик И.М. Игнатенко использовал термин «военно-гражданский государственный строй» и пояснил, что он имел в виду: на неоккупированной немецкими войсками части территории Беларуси «действовали Военно-революционный комитет Западного фронта, исполком Совета области и фронта и совнарком области и фронта. Все эти органы были преимущественно фронтowymi, укомплектованными военными работниками, гражданских лиц в них были единицы» [21, с. 87]. Это определение, довольно удачное на первый взгляд, все же, как представляется, не в полной мере отражает специфику сложившейся на тот момент ситуации. Военно-гражданским можно назвать любой государственный строй. Определение же, данное авторитетным белорусским историком, говорит скорее об установлении военной диктатуры, при которой большинство властных полномочий было сосредоточено в руках фронтowych органов. Но люди в военной форме, входившие в состав органов власти, были на поверку не такими уж и военными. Собственно говоря, кадровых офицеров среди них можно было по пальцам пересчитать. В основном, это были большевики и левые эсеры, по разным причинам (главным образом, по призыву), оказавшиеся в рядах Российской армии. Поэтому мы имеем дело не с классической военной диктатурой, когда к власти приходят представители офицерской касты. Это была тоже каста, но совсем другого рода – партийная. И установившуюся власть вполне можно назвать военно-партийной, причем

в тот период еще совсем не диктатурой. Перед нами любопытный случай политического режима, когда жесткая партийная дисциплина сочеталась с хаосом в деле государственного управления.

Своеобразие формирования органов Облискомзапа, в котором не участвовали представители Витебской и Могилевской губерний, И.М. Игнатенко объяснял планом экспорта социалистической революции на Запад: «Для решения этой задачи и было создано такое смешанное государственное образование в составе Минской, Виленской, Гродненской губерний и Западного фронта» [22, с. 67]. Но у нас нет документальных свидетельств, которые бы позволяли утверждать, что Облискомзап с момента своего возникновения в ноябре 1917 года ориентировался преимущественно на реализацию плана мировой революции. Более того, он так и не предпринял в этом направлении каких-либо существенных шагов. Отсутствие в его составе представителей Витебской и Могилевской губерний следует объяснить тогдашней политической обстановкой. Просто большевики не были уверены, что делегаты от этих местностей окажутся лояльны к новой власти. Для сомнений были основания: как показали выборы в Учредительное собрание, по крайней мере, в Могилевской губернии преобладали эсеровские настроения.

26 ноября 1917 года объявили состав президиума Облискомзапа: 4 большевика (в том числе председатель Н.В. Рогозинский), 1 левый эсер – товарищ (заместитель) председателя П.И. Козлов. Из 13 отделов исполнительного комитета, которые были объединены в Совет народных комиссаров, 10 возглавили большевики, левый эсер Н.М. Дайнеко стал комиссаром земледелия, а ведомства почты и железной дороги оставили за соответствующими профессиональными союзами [20, л. 73].

Один из лидеров Западной областной организации левых эсеров П. Иров, приветствуя вхождение представителей своей партии в состав Совнаркома, подчеркивал, что, хотя левые эсеры и рас-

ходятся с большевиками в некоторых вопросах, но «партия левых социалистов-революционеров одинаково смотрит с ними на главнейшее – на сущность настоящей революции и на роль Советов в ней». Далее он отмечал: «Усиление представительства в правительстве левых эсеров должно повлечь за собой выпрямление линии деятельности этого правительства и придание ему большей авторитетности» [23, с. 1]. Свое стремление к заключению тесного союза с большевиками левозэсеровские организации Беларуси подтвердили отказом поддержать единый эсеровский список на выборах в Учредительное собрание, что означало косвенную поддержку списка большевиков.

В начале декабря 1917 года между большевиками и левыми эсерами состоялись переговоры о дальнейшем формировании совнаркома Западной области и фронта. Они проходили в несколько раундов на заседаниях как Облискомзапа, так и фракции большевиков с участием представителей левых эсеров. Члены партии левых социалистов-революционеров, ссылаясь на свое значительное представительство в Облискомзапе, где они имели 24 места, требовали передать им дополнительно два-три отдела: почт и телеграфов, железной дороги, а также юстиции либо просвещения. При этом на должность комиссара почт и телеграфов они выдвигали П.И. Козлова, а железной дороги – Анисимова. Большевики после некоторой дискуссии согласились передать левым эсерам отдел почт и телеграфов, но затем передумали и, оставив за своими союзниками отдел земледелия, выделили им также место комиссара общественного призрения (социального обеспечения) [24, с. 353–354, 359]. Такое решение было единогласно принято и проведено 3 декабря на очередном пленарном заседании Облискомзапа. Комиссаром общественного призрения стал В.Л. Муха – левый эсер, белорус по национальности.

Количество мест, выделенных левым эсерам в Совнаркоме, оставалось неизменным вплоть до эвакуации советских учреждений из Минска в февралье 1918 года.

Произошли только определенные персональные перестановки. П.И. Козлов был назначен комиссаром народного хозяйства [25, л. 15]. Товарищем председателя Облискомзапа стал П. Иров, заместитель руководителя Западной организации партии левых социалистов-революционеров. На должности комиссара общественного призрения Муху сменил Смирнов, а потом исполняющим обязанности комиссара стал Котляревский, также левый эсер [20, л. 19].

Создание двухпартийного блока РСДРП(б) и ПЛСР было взаимовыгодным для обеих партий. Партия левых эсеров, войдя в исполнительные советские органы власти, получила соответствующую организационную, финансовую и иную поддержку, крайне необходимую ей для развития партийных структур на местах. Большевики же накануне созыва Учредительного собрания обзавелись важным союзником, имеющим влияние среди крестьянских масс. Кроме того, и это самое важное, они сумели расколоть партийные ряды своего главного политического противника – эсеров, одержавших победу на выборах в Учредительное собрание в целом по России. Северо-Западная областная организация РСДРП(б) также смогла извлечь политическую выгоду из этого союза. Признание левыми эсерами правомочности трех съездов Советов, сформировавших Облискомзап, значительно укрепляло легитимность новых органов советской власти в Западной области и на фронте. Особое значение имела поддержка со стороны левых эсеров в Могилевской губернии, где партия социалистов-революционеров на выборах в Учредительное собрание одержала убедительную победу.

Революция или переворот?

В среде историков, политологов, да и в публицистике продолжают споры по поводу того, как окрестить события октября 1917 года. Действительно, что же это было: революция, переворот, вооруженное восстание? Эта дискуссия в некотором смысле напоминает схоластиче-

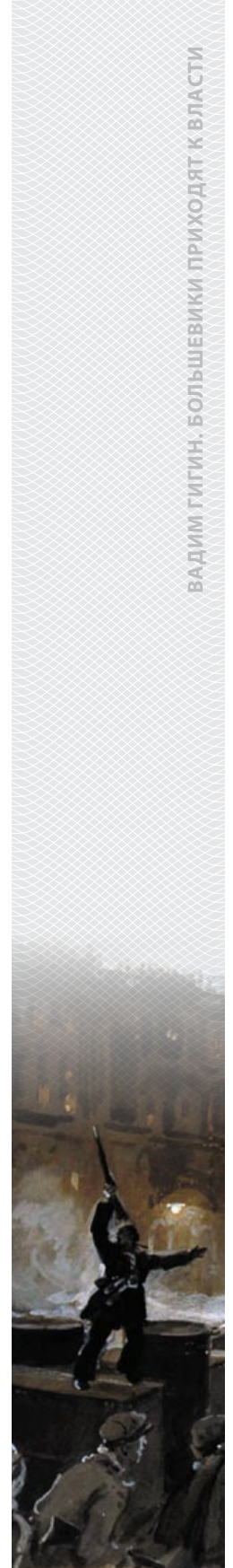
ский спор, поскольку можно применить все три определения...

Непосредственно 25 октября (7 ноября) 1917 года насильственным путем один политический режим был заменен другим. На смену Временному правительству пришел Совет народных комиссаров, то есть и по форме, и по сути это был типичный государственный переворот. Кстати, и сами большевики в первые десять лет применяли именно этот термин. Затем он был заменен на «Октябрьское вооруженное восстание», что также не противоречит истине, поскольку происходило совсем не мирное выступление солдат, матросов и рабочих. Однако и название «вооруженное восстание» не отражает всего комплекса событий, поэтому определение «переворот» представляется более подходящим.

И, конечно же, имела место революция. Ведь этот феномен не ограничивается только самим фактом захвата власти. Революция – длящийся процесс, трансформация, комплекс преобразований, затрагивающих различные сферы общественной жизни. Именно это и происходило в России после Октября 1917 года.

В последнее время наметилась тенденция объединять события Февраля и Октября 1917 года, Гражданской войны в единую Русскую (Российскую) революцию. Порой в нее включают и революционные потрясения 1905–1907 годов. Подобное суждение представляется поспешным. По своим причинам, целям, задачам, а главное, характеру борьбы за власть, глубине преобразований общества и государства Октябрьская революция в значительной степени отличается от Февральской. Захват большевиками власти и первые послеоктябрьские дни ярко это засвидетельствовали.

Новая правящая партия буквально навязывала всему политическому сообществу новую парадигму отношений. К ней оказались не готовы все прочие партии и группы. Царила растерянность. Даже самые решительные противники большевиков проигрывали им в быстроте и последовательности действий. Залог

▲ **Група руководителей и участников Октябрьской революции в Минске и на Западном фронте, среди которых редактор газеты «Звезда» В.В. Фомин, командир революционного бронепоезда В.А. Пролыгин, председатель Минского комитета РСДРП(б) И.Я. Алибегов. Минск, 1917 год**

победы сторонников В.И. Ленина заключался в создании невиданной ранее партийной организации, сплоченной и целеустремленной, представлявшей собой скорее орден или вооруженный отряд, нежели классическую политическую партию. Это первое.

Второй важной предпосылкой победы стала грамотно выбранная тактика и ставка на солдатские массы как основную социальную базу новой власти в начальный период ее существования.

Третья причина стремительного успеха большевиков заключалась в гибкости идеологической линии. При всей своей убежденности в собственной абсолютной правоте они могли идти на временные союзы и компромиссы. Показательный пример – провозглашение временного характера самой новой власти до созыва Учредительного собрания. Это дезориентировало и успокоило остальные политические силы, которые посчитали, что не следует начинать более энергичное сопротивление, если все решит общепризнанный и легитимный орган. Но, как показали дальнейшие события, большевики вовсе не собирались передавать кому-либо власть.

Вместе с тем в первые послеоктябрьские недели диктатура еще не установилась, сохранялись многие институты революционной демократии, авторитарные тенденции лишь намечались, не был создан репрессивный аппарат. Все это лишний раз подчеркивает: произошедший переворот только положил начало длительному процессу создания нового политического режима, что стало одним из главных достижений Октябрьской революции 1917 года. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Кнорин, В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте / В. Кнорин ; Истпарт. Комис. по ист. Окт. рев. и КП(б)Б. – Минск : Гос. изд-во Белоруссии, 1925.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 3460.
3. Кастрычнік на Беларусі: 36. артыкулаў і дакументаў (Матэрыялы да гісторыі Кастрычн. рэвалюцыі на Беларусі) / Улж. С. Агурскі: Вып. 1. – Мінск: 1 дзярж. друк., 1927.
4. Ландер, К. Отрывки из воспоминаний // Вперед. – 1922. – № 1. – С. 68–73.
5. Гигин, В. Неудобный «инцидент»: убийство генерала Духонина в свете нового свидетельства участника событий // Беларуская думка. – 2016. – № 12. – С. 64–71.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 52. – Оп. 1. – Д. 24.
7. Троцкий, Л.Д. От Октябрьской революции до Брестского мира / Л.Д. Троцкий. – 2-е изд. – Харьков: Пролетарий, 1924.
8. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва. – М.: Изд. ВЦИК Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918.
9. Декреты Советской власти: в 13 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР Акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957–1997. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 1957.
10. Бухарин, Н. На подступах к Октябрю: статьи и речи, май–декабрь 1917 г. / Н. Бухарин. – М.; Ленинград: Государственное издательство, 1926. – 188 с.
11. Иванов-Разумник, Р.В. Год Революции: Статьи 1917 года. / Р.В. Иванов-Разумник. – СПб.: Революционный социализм, 1918. – 205 с.
12. Обращение Военного Бюро ЦК Партии С.-Р. // Социалист-революционер. – 1917 г. – 28 октября. – С. 1.
13. Сташкевич, Н.С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии: 1917–1925 / Н.С. Сташкевич. – Минск, 1985.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4605. – Оп. 1. – Д. 1.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 60. – Оп. 3. – Д. 161.
16. Бунд в Беларуси, 1897–1921: Док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь, Бел. НИИ документоведения и арх. дела; Редкол.: В.И. Адамушко и др. [составитель Э.М. Савицкий; редколлегия: В.И. Адамушко, А.Н. Михальченко, В.Д. Селеменев], 1997.
17. Турук, Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения в Беларуси / Ф. Турук – М.: Гос. изд-во, 1921. – 144 с.
18. Крестьянский съезд Минской и Виленской губерний // Звезда. – 1917. – 23 ноября. – С. 1–3.
19. Фронтный съезд. Заседание 23 ноября // Звезда. – 1917. – 25 ноября. – С. 3.
20. НАРБ, Фонд 35-п. Оп. 1. д. 76.
21. Игнатенко, И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 254 с.
22. Игнатенко, И.М. Октябрь без краски // Беларуская думка. – 1993. – № 11. – С. 65–69.
23. Иров, П. У Рубикона // Советская правда. – 1917. – 13 (26) декабря. – С. 1.
24. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: в 2 т. / Редкол.: Т.С. Горбунов и др. – Минск: Госиздат БССР, Ред. пол. лит., 1957. – Т. 1.
25. НАРБ. – Фонд 35-п. – Оп. 1. – Д. 60.